

Г.И. Саркисова

Факторы формирования отношений Российской и Цинской империй в 50–60-е годы XVIII в.

Аннотация: В статье рассматриваются факторы формирования отношений Российской и Цинской империй в 50–60-е годы XVIII в. Они связаны с проблемами различного характера: внешнеполитическими, пограничными, экономическими, которые в то время привели к обострению отношений двух государств и заставили российское правительство искать выход из сложившейся ситуации.

Напряженности между Россией и Китаем способствовали такие внешнеполитические обстоятельства, как необходимость решения вопроса о выдаче китайской стороне возглавлявшего антимагньюрское восстание в Джунгарии в 1755–1757 гг. и нашедшего убежище на российской территории нойона Амурсаны и зенгорских беженцев. К этому прибавлялись нерешенные пограничные вопросы о сносе надобов, закрытии ялинских дел и улхунском пограничном инциденте. Важную роль в преодолении разногласий двух сторон играла экономическая составляющая их отношений: китайская сторона требовала отмены пошлинных сборов с русских купцов в Кяхтинской таможне, российская сторона – возобновления приостановленной в 1762 г. кяхтинской торговли.

Архивные документы этого периода создают картину событий, влиявших на формирование контактов между Российской и Цинской империями, и действий российской стороны, направленных на преодоление кризиса во взаимоотношениях. Обращение к источникам позволяет также исправить некоторые историографические ошибки, в частности, связанные с рассмотрением улхунского пограничного инцидента (1767–1768), и расширить представление о ходе российско-китайских пограничных переговоров в 1768 г.

Ключевые слова: Российская империя, Цинская империя, отношения, обострение, Кропотов И.И., пограничные переговоры.

Автор: Саркисова Галина Ивановна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН). E-mail: sarkisova1954@mail.ru

Г·I·萨尔基索娃

18 世纪 50–60 年代俄国与清帝国关系形成的因素

摘要: 本文探讨了 18 世纪 50 至 60 年代俄国与清帝国关系形成的因素。它们与外交政策、边境、经济等不同性质的问题相关，这些问题在当时导致两国关系恶化，迫使俄国政府寻找摆脱当前状态的出路。

一系列的外交状况加剧了俄国和中国之间的紧张关系，比如必须解决将在俄国境内避难的 1755—1757 年准噶尔反满起义领导人阿睦尔撒纳和准噶尔逃人交予中

方的问题等。除此之外，还有尚未解决的边界问题，如拆除栅木、解决亚林事件和乌尔洪边境事件。两国关系的经济部分在克服双方分歧方面发挥了重要作用：中方要求取消恰克图海关对俄国商人的关税，俄方则要求恢复于 1762 年暂停的恰克图贸易。

这一时期的档案文件描绘了影响俄罗斯帝国和清帝国之间建立接触的事件以及俄方旨在克服双方关系危机的行动。对史料的研究还让我们能纠正一些史学错误，特别是与乌尔洪边境事件（1767-1768）有关的错误，并扩展我们对 1768 年中俄边界谈判进程的理解。

关键词：俄罗斯帝国；大清帝国；关系；恶化；I·I·克罗波托夫；边界谈判。

作者：加林娜·伊万诺夫娜·萨尔基索娃，历史学副博士，俄罗斯科学院中国与现代亚洲研究所首席研究员。E-mail: sarkisova1954@mail.ru

Galina I. Sarkisova

Sarkisova G.I. Factors Shaping the Relations between the Russian and Qing Empires in 1750s–1760s

Abstract: The article examines factors shaping the relations between the Russian and Qing empires in the 1750–60s. These factors are related to various issues: foreign policy, border, economy, which at that time led to a deterioration of the bilateral relations and prompted the Russian government to seek a resolution to the situation. Tensions between Russia and China were aggravated by such foreign policy circumstances as the need to resolve the issue of extradition to China of the leader of the anti-Manchu uprising in Dzungaria in 1755–1757 Noyon Amursana, who found refuge on the Russian territory, as well as Zengor refugees. Additionally, there were unresolved border issues related to the demolition of *nadolbs*, the closure of the Yalina affairs and the Ulkhun border incident.

The economic component of their relations played a vital role in overcoming the disagreements between the two sides. The Chinese side requested the abolition of duties on Russian produce at the Kyakhta customs, while the Russian side demanded resuming the Kyakhta trade suspended in 1762. Archival documents dating back to this period depict the events that influenced the development of ties between the Russian and Qing empires, and the actions of the Russian side aimed at overcoming the crisis in the relations. By analyzing new sources, the article addresses previous historiographical errors in the academic discourse, in particular, those related to the consideration of the Ulkhun border incident (1767–1768), and expands the understanding of the process of Russian-Chinese border negotiations in 1768.

Keywords: Russian Empire, Qing Empire, relations, aggravation, I.I. Kropotov, border negotiations.

Author: *Sarkisova Galina I.*, Candidate of Sciences (History), Leading Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS). E-mail: sarkisova1954@mail.ru

В 50–60-е годы XVIII в. целый ряд событий привел к обострению отношений России с Китаем. Изучение архивных документов по этому периоду позволяет выявить факторы, влиявшие на формирование контактов между Российской и Цинской империями, и установить действия российской стороны, направленные на преодоление кризиса во взаимоотношениях. Обращение к источникам позволяет также исправить некоторые историографические ошибки, в частности, связанные с рассмотрением улхунского пограничного инцидента (1767–1768), и расширить представление о ходе российско-китайских пограничных переговоров в 1768 г.

Разгром Джунгарии¹ Цинской империей (1757–1758) повлек за собой череду проблем, в решение которых была втянута Россия, что вызвало недовольство китайской стороны. Она требовала от российского правительства выдачи ойратского нойона² Амурсаны (1722–1757). В 1755–1757 гг. он возглавлял антиманьчжурское восстание в Джунгарии, после подавления которого нашел убежище на российской территории. Спасения от цинских войск в России искали и многочисленные зенгорские беженцы. Китайские власти также требовали их выдачи. Свое отношение к сложившейся ситуации Россия выразила в листе, отправленном из Правительствующего сената в Лифаньюань³ 20 мая 1757 г. «Известно всем, – сообщалось в нем, – что зенгорской народ, обоим государствам соседственной, донныне был никому не подданной и находился под управлением собственных своих владельцев...» [Международные отношения в Центральной Азии, док. № 166, с. 6]. Исходя из этого, зенгорские беженцы не являлись перебежчиками и были свободны в своем решении о принятии российского подданства. А выдачу Амурсаны, с точки зрения российской стороны, как зенгорца, а не «природного» подданного Цинской империи, китайская сторона могла требовать «не по силе трактата, но на основании одной токмо между обоими государствами продолжающейся дружбы» [Международные отношения..., с. 64]. По сообщению находившегося в сентябре 1757 г. в Пекине курьера В.Ф. Братищева⁴ в Коллегию иностранных дел, такая позиция российского правительства вызвала у китайского императора озлобленность на Россию и заставила пожалеть о приеме русского курьера со свитой в Пекине. Император «повелел в грубых терминах ответной лист отправить, замышляя многолюдное войско к российским границам послать» [Русско-китайские отношения..., 2006, док. № 68, с.199].

Напряженности в отношениях двух государств способствовали и нерешенные ялинские дела, связанные с уплатой пени за угон скота из-за границы. Первоначально после заключения Кяхтинского трактата (1727) именно китайская сторона придержи-

¹ Джунгарское ханство (Зенгорское владение) – ойрат-монгольское государство на территории Центральной Азии в XVII–XVIII вв.

² Старинный монгольский титул.

³ Лифаньюань (*кит.*) (Трибунал внешних сношений) – центральное учреждение Цинской империи до 1861 г., ведавшее управлением Монголией, Тибетом, а также отношениями с Россией.

⁴ Братищев Василий Федорович (1714–?) – российский дипломат XVIII в., резидент в Персии в 1743–1747 гг., 30 мая 1756 г. получивший ранг советника канцелярии В.Ф. Братищев в соответствии с императорским указом был назначен курьером в Пекин для переговоров с цинскими властями. Однако В.Ф. Братищеву не удалось решить поставленных перед ним задач из-за усилившейся неприязни цинского Китая к России. Об этом подробнее см.: Русско-китайские отношения в XVIII в. (РКО в XVIII в.). Документы и материалы. 1752–1765. М., 2011. Т. VI. С. 349–363.

валась требования, отсутствовавшего в договоре, «чтоб покраденного чрез границу следы следить» [АВПРИ, ф. Сношения России с Китаем, оп. 62/1, 1768 г., д. 2, л. 53 об.], при том что процедура сохранения следов скота в случае обнаружения их в приграничной зоне была довольно сложной⁵. В дальнейшем цинские власти стали настаивать на закрытии всех ялинских дел без предварительного рассмотрения.

Немало нареканий с китайской стороны вызывали деревянные надолбы⁶, установленные российской стороной на границе для пресечения ее нарушений. По заявлению китайцев, надолбы между Бургутейским и Орхотуйским хребтами в некоторых местах отрезали их земли, а на хребте Бичикту Хошегу отгородили их караульный маяк и дорогу [АВПРИ, л. 15].

Еще одним поводом для неудовольствия китайской стороны были пошленные сборы с русских купцов в Кяхтинской таможне, повышавшие цены на русские товары для китайских купцов.

Наиболее эффективный для Цинской империи способ достижения своих целей состоял в пресечении торговых отношений с Россией⁷. В 1762 г. китайцы приостановили кяхтинский⁸ торг на 6 лет. Их действия «не только причиняли серьезный ущерб развитию взаимовыгодной торговли, но и препятствовали установлению тесных политических и культурных контактов между народами России и Китая» [Новая история Китая, с.64].

В период обострения отношений между двумя государствами в очень непростом положении оказались члены 5-й Русской духовной миссии⁹ в Пекине (1755–1771), начальником которой был иеромонах Амвросий (Юматов) (1717–1771). Один из членов этой миссии псаломщик Степан Зимин, вернувшись в Россию, в своем доношении в Коллегию иностранных дел (7 июня 1773 г.) привел свидетельства несомненных дипломатических заслуг архимандрита Амвросия в установлении добрых отношений с цинскими властями и их уважительного отношения к России: «В столичном китайском городе Пекине российского резидента не имеется (о чем Государственной иностранной коллегии известно), но вместо его российской архимандрит имеет сношение с Трибуналом¹⁰, из котораго присутствующия также и из прочих коллегиев господа часто приезжают в российской посольской двор в высокаторжественныя дни и в господския праздники для смотрения церковной церемонии и украшения. Архимандрит для российской славы и радости трактует их трапезою на свой щот, а нужнейших особ для всяких случаев презентует российскими вещми. На таковыя приемы и подарки расходится у архимандрита на каждой год немалая сумма, а особливо, что ныне в Пекине всякая всячина продается дорого» [АВПРИ, оп. 62/2, 1766–1769, д. 16, л. 139–139 об.].

⁵ Об этом подробнее см. РКО в XIX в. М., 1995. Т. 1. С. 920.

⁶ Надолбы – бревна, вертикально врытые в землю для ограждения.

⁷ В одностороннем порядке с 1744 по 1792 г. торговля приостанавливалась на разные сроки 10 раз.

⁸ В XVIII–XIX вв. приграничная Кяхта, торговая слобода на р. Кяхте, стала центром торговли.

⁹ Российская духовная миссия в Китае известна также как Пекинская духовная миссия. Начало ее истории относят, по одним сведениям, к апрелю 1715 г., по другим – к концу 1715 г. – началу 1716 г. Юридический статус миссии был закреплен 5-й статьей Кяхтинского договора (1727).

¹⁰ Лифаньюань

Вместе с тем за 16-летний период пребывания в столице Цинской империи русские миссионеры испытали на себе и проявление открытой неприязни цинских властей, из-за противодействия которых они не получали из России столь необходимых средств к существованию с 1758 по 1763 г. Лишь в июне 1763 г. курьер И.И. Кропотов¹¹, прибывший в Пекин для оповещения цинского правительства о вступлении на российский престол императрицы Екатерины II, передал на выплату жалованья архимандриту Амвросию и его свите серебро, полученное от продажи казенной мягкой рухляди. Помимо денежных ограничений, с осени 1759 г. миссионеры испытали и ограничение личной свободы, поскольку по приказу китайского императора были заперты в своем монастыре под присмотром караула, а «на воротах посольского двора были прибиты указы с угрозою смертной казни тому, кто из китайских подданных отважился бы войти в помянутый монастырь» [Бэй-гуань, с. 47]. Подобные действия китайской стороны были еще одним способом давления на Россию, которая беспокоилась о судьбе своих подданных.

О росте напряженности на российско-китайской границе в 60-е годы свидетельствуют рапорты сибирского губернатора Д.И. Чичерина (ок.1720–1785) в Коллегию иностранных дел. В них он сообщал о мерах, принятых им по оснащению селенгинской артиллерийской команды необходимым вооружением в связи с обострением обстановки на нерчинской и селенгинской границах [АВПРИ, оп. 62/2, 1763–1769, д. 11, л. 62–64]. Кроме того, по информации, полученной от яшаных двоеданцев, следовало, «что некоторые из тех двоеданцев, будучи на зверином промысле, видели войско со знаменами, а какое и сколько оно, не знают» [АВПРИ, л.75–75 об.]. Это обстоятельство вызвало необходимость в проведении работ по укреплению города Кузнецка, «понеже город Кузнецк от китайцов самой пограничной и более, нежели Бийская крепость, имеет от них опасность» [АВПРИ, 75 об.]. В соответствии с указом, для укрепления города были откомандированы крестьяне, приписанные к Колывано-Воскресенским заводам, монастырские крестьяне, служилые казаки. Им поручалось строение городской стены, надолбов и рогаток, расчистка рвов. «А сверх того поблизости ис Томска всех наличных служилых казаков с ружьем и аммунициею, сколько набраться может, выслать в Кузнецк для защищения. Которых, пока от неприятеля опасности не будет, то и к строению городских стен в работу употреблять приказано» [АВПРИ, л. 76–76 об.]. Проведение необходимых мер по созданию оборонительных сооружений планировалось и в городе Селенгинске, Кударинской слободе и в месте «близ Онана-реки и деревни Акшинской» [АВПРИ, 1763–1768, д. № 10, л. 82–83]. В целях укрепления обороноспособности Сибирского края российское правительство также наметило увеличение на его территории числа воинских частей и усиление их командного состава [АВПРИ, л. 81, 81 об.].

Обеспечивая безопасность Сибири, принимая меры для налаживания кяхтинской торговли, Россия приобретала уверенность в возможности урегулирования спорных вопросов с Цинской империей дипломатическим путем. Собрание, учрежденное 12 августа 1764 г. императрицей Екатериной II «для слушания дел, касающихся до

¹¹ На тот момент Иван Иванович Кропотов – капитан-поручик, ординарец императрицы Екатерины II, известный переводчик комедий Ж.-Б. Мольера.

нынешних с китайскою стороною обращений» [АВПРИ, оп. 62/2, 1763–1768, д. № 10, л. 75], пришло к следующему заключению: «Хотя по произшедшему с некотораго времени с китайцами несогласию и оказываемой ими донныне грубости и чрезмерной гордости и были деланы от них некоторыя покушения, клонящиеся к огорчению здешней стороны в той иногда надежде, что сибирския границы обнажены и без всякой почти защиты находятся, но чтоб они действительно отважились с Россиею войну ночать, того по многим для них неудобностям нечаятельно» [АВПРИ, л. 85]. В связи с этим командиру войск Сибирского корпуса генерал-поручику И.И. Шпрингеру¹² (ок. 1715 – 1771) было дано распоряжение об оповещении китайской стороны о готовности России к двусторонним переговорам, которые состоялись лишь в 1768 г. (с июля по октябрь). Их возглавил полковник И.И. Кропотов (1724–1769), направленный на китайскую границу полномочным комиссаром с целью решения «пограничных споров и обоюдных претензий и к решительному оных окончанию» [АВПРИ, оп. 62/1, 1768 г., д. 2, л. 3].

Ценные сведения о ходе переговоров, их итогах и роли в них полковника И.И. Кропотова содержатся в его Журнале¹³. Он не был известен дореволюционным историкам [Бантыш-Каменский, с. 324–325; Васильев, с. 90], и вследствие этого у них отсутствовала возможность воссоздания истории пограничных переговоров 1768 г. Из Журнала следует, что, изучив результаты исследований, проведенных на местности откомандированными людьми, полномочный комиссар Кропотов пришел к выводу, «что из построенных по границе надолб в двух местах поставлены они на Китайской земле. В одном – к востоку от крайней к полудню Бургутейской сопки до первых маяков, в другом – к западу от Тымьнь Кудзуина до самого конца Бичикту Хошегу» [Саркисова, 2008, с. 200]. В итоге, опираясь на императорский указ, предписывавший необходимость решения вопроса о ялинских делах и надолбах даже с возможным «ущербом (если оной не чрезвычайен)» [Саркисова, с. 198], И.И. Кропотов согласился на снос надолбов и закрытие ялинских дел без предварительного рассмотрения.

В соответствии с данным ему наставлением И.И. Кропотов осуществил в Кяхте ряд мер, направленных на укрепление таможни и учинение «надлежащей предосторожности к сохранению пошлинного збору...» [АВПРИ, оп. 62/ 2, 1762–1769, д. № 8, л. 145 об.–146]. Торговавших в Кяхте русских купцов с целью упорядочивания их деятельности и контроля над ней он разделил на шесть компаний [АВПРИ, л. 281], учредил Кяхтинскую коммерческую экспедицию и сформировал ее штат [Саркисова, 2023]. Все эти преобразования проводились в соответствии с одобренным императрицей Екатериной II в октябре 1764 г. планом, подготовленным Собранием [Саркисова, 2021], по упрочению российских сибирских пограничных территорий и налаживанию кяхтинской торговли. Продолжением работы в этом направлении стала

¹² В 1764 г. генерал-поручик И.И. Шпрингер был назначен главным пограничным командиром вместо генерал-майора В.В. Якоби.

¹³ Журнал, обретающегося по всевысочайшему Ея императорскаго величества имянному указу на китайской границе полномочным комиссаром полковника Кропотова, что происходило у него по порученной комиссии с китайскими амбанами 1768 г. См.: [АВПРИ. Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/1. 1768 г. Д. № 2. Л. 1–106].

деятельность 3-й Комиссии о коммерции (1763–1796). Используя метод опроса русских купцов, она получила сведения об ошибках в организации торговли. Наиболее существенными недостатками оказались проволочки в досмотре и клеймении товаров и информированность китайских купцов, присутствовавших при этом, об их наличии. Это обстоятельство позволяло китайцам понижать цены на российские товары [АВПРИ, 1770–1773, д. 19, л. 65–65 об.].

Полученные данные были необходимы Комиссии о коммерции для ее дальнейшей работы, целью которой стало формирование условий, способствовавших развитию русско-китайской торговли, и решение проблем, связанных с установлением пошлин на различные товары [АВПРИ, л. 58, 65–69].

Дополнительные осложнения в отношении двух государств внес пограничный конфликт: 10 ноября 1767 г. произошло нападение «с мунгальской стороны во многом числе вооруженною рукою на российской Ульхунской караул¹⁴» [АВПРИ, оп. 62/2, 1728–1767, д. 4, л. 247], и 12 человек были увезены в Ургу. Об этом событии в исторической литературе есть беглые упоминания в трудах Н.Н. Бантыш-Каменского и А.Х. Трусевича с указанием неправильного числа захваченных улхунских караульных: двух вместо двенадцати и не соответствовавших действительности мотивов инцидента [Бантыш-Каменский, с. 325; Трусевич, с. 61]. Достоверные отдельные сведения касательно данного конфликта содержатся в «Исторической записке...» Г.А. Сычевского, поскольку исходят из опубликованных им архивных материалов [Сычевский, с. 279 – 280].

Разобраться в обстоятельствах этого запутанного дела удалось в 1768 г. полковнику И.И. Кропотову. Опрошенные по его распоряжению казаки российского Улхунского караула представили последовательную картину событий, приведших к нападению на Улхунский караул. Эти события явились, по всей видимости, следствием пренебрежения служебными предписаниями, не допускавшими переход границы [РКО в XVIII в., док. № 114, с. 298], российскими служилыми людьми, которые во время охоты нарушили ее и заехали на китайскую территорию, в результате чего один из них (Григорий) был взят монгольским караулом. В ответ на это российский караул захватил двух монголов. Они были доставлены к селенгинскому коменданту генерал-майору В.В. Якоби (1693–1769) и при допросе показали, что «будучи в своей стороне в подводах под едущим по границе для осмотра оной заланом¹⁵, нечаянно заблудились и в здешнюю сторону въехали, а никакого воровства ими не учинено и чинить не намерены» [АВПРИ, оп. 62/2, 1766–1769, д. 15, л. 185]. В начале октября 1767 г. селенгинский комендант отправил задержанных монголов к монгольским пограничным управителям. Их сопровождал нарочный толмач с письменным требованием о выдаче российских людей и «о учинении тем мунгальцам за переезд за границу наказания» [АВПРИ, л. 185 об.]. Однако несмотря на возвращение задержанных монголов, «в отмщение» за них было совершено нападение на Улхунский караул [АВПРИ, оп. 62/1, 1768, д. 2, л. 70 об.–71]. Незначительный пограничный конфликт приобрел характер крупного инцидента.

¹⁴ Улхунский караул располагался на «Тырне-речке» [Русско-китайские..., док № 4, с. 38]. По всей видимости, речь шла о реке Тырын (Дзун-Тырын), которая является притоком реки Онон.

¹⁵ Залан – звание в монгольской пограничной службе.

Во время русско-китайских пограничных переговоров 1768 г. китайская сторона согласилась возвратить двенадцать человек из Улхунского караула только после наказания ефрейтора Данилы, по приказу которого были схвачены двое монголов вслед за задержанием российского подданного Григория. Причем китайцы настаивали на присутствии их представителя при наказании [АВПРИ, л. 43]. В результате 26 июля 1768 г., как сообщалось в Журнале И.И. Кропотова, Данила «в удовольствии амбаниям» был «наказан тростью с умеренностью, чем гун был доволен» [АВПРИ, л. 57 об.]. Китайская сторона после выполнения ее требования, в свою очередь, возвратила захваченных двенадцать человек из Улхунского караула.

Решив эту проблему, а также удовлетворив требование китайцев о сносе надолбов, полномочный комиссар И.И. Кропотков достиг соглашения об открытии кяхтинского торгового пункта и после непростых и довольно длительных обсуждений по другим вопросам завершил русско-китайские переговоры 1768 г. подписанием 18 октября Дополнительной статьи к Кяхтинскому трактату (1727), установившей режим на русско-китайской границе. До этого момента 10 статья Кяхтинского трактата предусматривала такие меры наказания для перебежчиков: «Впредь, ежели кто из подданных обоих государств перебежит, кажен да будет в том месте, где поймается» [Русско-китайские договорно-правовые акты (1689–1916), док. № 5, с. 46]. Изменения же, внесенные в 10-й пункт трактата, были, по мнению Е.П. Силина, «по-прежнему крайне суровыми, но вместе с тем более подробно останавливались на процессуальной стороне разбора пограничных дел. Они вводили в эти дела предварительное следствие, устанавливали ответственность пограничных властей и назначали поощрительные выдачи открывателям преступников» [Силин, с. 79].

Таким образом, отношения Российской и Цинской империй в 50–60-е годы XVIII в. определялись факторами различного характера (внешнеполитическими, экономическими, пограничными) и поисками выхода из возникшей между ними напряженности.

Главными составляющими российской политики в отношении Китая в 60–70 гг. XVIII в. стали «сохранение мира на плохо защищенной и отдаленной границе и выгодной для казны торговли» [Всемирная история, с. 487].

Приложение

О реляции И.И. Кропотова

Для понимания итогов русско-китайских пограничных переговоров в Кяхте в 1768 г., помимо уже отмеченного Журнала И.И. Кропотова, несомненный интерес представляет его реляция императрице Екатерине II (27 октября 1768 г.). Она сохранилась в подлиннике в Архиве внешней политики Российской империи [АВПРИ, ф. Сношения России с Китаем, оп. 62/2, 1762–1769, д. 8, л. 312–316]. В реляции полномочный комиссар, «дабы не приключить чтением всех подробностей... затруднения» императрице, основные результаты переговоров изложил кратко. Выделив сделанные им уступки китайской стороне, И.И. Кропотков придал им четкое обоснование. В числе своих достижений он отметил возобновление кяхтинского торгового пункта.

Еще одним примечательным фактом в реляции является указание на место, где происходили переговоры: «имели мы на самой границе между селениями обеих империй съезды». Оно расходится с существующим в историографии утверждением о том, что И.И. Кропотов был в Китае дважды и вторая его миссия, связанная с переговорами, «оказалась более успешной» [Всемирная история, с. 487].

Реляция заслуживает внимания не только приводимыми фактами, но и отображением конкретных участников событий. Упомянутый в ней генерал-майор Варфоломей Валентинович Якоби (1693–1769) с 1740 г. был комендантом Селенгинска и до 1764 г. – главным пограничным командиром. Находясь на этом посту, он бескомпромиссно отстаивал интересы России. Китайская сторона в своих листах в Правительствующий сенат не раз требовала его замены. Якоби обладал огромным опытом общения с цинскими пограничными управителями: занимался урегулированием конфликтов, обменом пленными, выдвигал предложения по решению ялинских дел и прекращению проявлений грубости и враждебности в дипломатической переписке. В 1769 г. в чине генерал-поручика В.В. Якоби вышел в отставку.

В заключении реляции И.И. Кропотов уверил императрицу в том, что порученные ему коммерческие дела также будут исполнены. Они в значительной степени и были реализованы полномочным комиссаром, хотя существенным препятствием на этом пути было состояние его здоровья. Уже при завершении переговоров с китайцами И.И. Кропотов был не в силах лично встречаться с ними. А относительно выполнения предписания по экономическим делам он в письме графу Н.И. Панину написал: «А дела мои превосходят мои силы» [АВПРИ, оп. 62/2, 1762–1769, д. 8, л. 255 об.]. Преждевременная смерть полковника Кропотова 18 марта 1769 г. не дала ему полностью завершить начатые преобразования.

Текст документа публикуется с сохранением особенностей орфографии того времени, а знаки препинания внесены в соответствии с нормами современного русского языка.

1768 г. октября 27. – Реляция полковника И.И. Кропотова императрице Екатерине II о результатах его поездки на китайскую границу в июне-октябре 1768 г. для урегулирования споров с китайской стороной

(л. 312) В сепр есв етл ей ш а я
д ер ж а в н ей ш а я в е л и к а я
г о с у д а р ы н я и м п е р а т р и ц а,
с а м о д е р ж и ц а в с е р о с с и й с к а я.
Г о с у д а р ы н я в с е м и л о с т и в е й ш а я.

ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ всеподданнейше донести приему смелость. По высочайшему ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА указу с порученною мне комиссиею прибыл я Иркутской губернии в город Селенгинск июня 3 дня и, увидясь с господином генерал-майором и кавалером Якобии,

имел совет: каким бы образом поступить мне в порученных мне делах с ожидаемыми с китайской стороны амбаниями (которые обещали быть на границу в июле месяце). Однако ж на свиданьи с ним, генералом Якобии, не могли мы ничего на мере постановить частию по несовершенному знанию, чево амбани требовать будут, частию же – за невозможностию на словах// (л. 312 об.) изъяснитьца, потому что генерал Якобий по старости ли или по болезни стал очень глух, и много времени надобно всякому, кто с ним говорить хочет, привыкнуть к тону голоса, которой бы он мог слышать. И так, по желанию ево, положили мы, чтобы мне ехать в Кяхту, и когда приедут амбани, то бы я о требованиях их писал к нему. А он обещал на каждое прислать ко мне свои мнения. Я так и исполнил.

Китайские амбани, четыре человека, прибыли на границу 8-го числа июля, а на другой и после того в следующие дни имели мы на самой границе между селениями обеих империй съезды, в которые что происходило изъяснил я обстоятельно в журнале, которой в силу// (л. 313) высочайшего ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА повеления с прочими делами отправил в Государственную коллегия иностранных дел. Здесь же, дабы не приключить чтением всех подробностей ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ затруднения, всеподданнейше доношу кратко.

По многим спорам с амбаниями, наконец, положено мною в их удовольствие.

1-е. В некоторых местах надолбы снести в нашу сторону (сие требование их неоспоримо, хотя генерал Якобий и утверждал тому противное). 2-е. Пошлин на границе впредь не брать, так как и ныне не берут. 3-е. Все бывшия прежде сего спорныя дела как в перебещиках, так и в покраже на обе стороны лошадей и всякаго скота, и всякие дела, о которых между обеих империй происходили переписки, // (л. 313 об.) с сего времени, то есть с окончания нам порученнаго дела, оставить без платежа, называемой ялы, на обе стороны и предать вечному забвению. А на будущее время сделать закон, каким бы образом при разводе ялы поступать, держася здачи следов, в прочем же в сходственность трактатного положения.

Сей пункт требования решить по желанию их разсудил я для следующих причин. 1-е. Под именем всех прежних несогласий разумею я конец требования их о перешедших прежде сего в нашу сторону из зингорцов, называемых Шерена¹⁶ и Лаужанжана, которые живут в Ставрополе с их родами, о чем многия переписки были между правительствами обеих империй. 2-е. Требуемое число лошадей и скота от них в нашу сторону хотя и не может ими// (л. 314) оспоримо быть, но по неумеренной их гордости и упорству невозможно их никоим образом довести до платежа, не употребляя к тому усилия военною рукою. 3-е. Видимаго разорения подданным ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА не видно от тово больше, что многия дела происходили давно и потерпевшие убыток уже большею частию померли. К тому ж во всяком требовании по вкоренившемся с обеих сторон обыкновению приписано лишнева почти вдвое, а иногда и больше, и потому требование наше на них не все законно. 4-е. Напротив того и от них в нашу сторону захвачено было много, на которое они по осторожности наших похитителей никакова доказательства не имеют, а осталось то

¹⁶ Шэрэн (Ширен-тайжа) – торгоутский нойон, участник антицинского восстания в Джунгарии в 1755–1757 гг.

частью в руках похитивших, а частью конфискованы и по продаже деньги дошли в казну ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА// (л. 314 об.) и употреблены в разныя по асигнациям расходы с прочими таможенными суммами. 5-е. Чрез мирное же согласие, по которому откроются по-прежнему торги, не токмо в казну ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, но и обще в народ великой пользы ожидать без всякова сумнения можно. Сего ради оказал я им соглашение на все их требования.

С моей же стороны требования были в 13-ти пунктах, которые они посылали в Пекин. И не на все хотя решение зделано, однако ж торг отворить согласились и отворен. Я, с моей стороны, во уверение им в одном месте по усильной их прозьбе надолбы близ Селенги-реки велел сломать (в которых никакой нужды нашей стороне не было, да и впредь не будет), а со временем// (л. 315) намерен я построить на принадлежащей нашей стороне земле новыя рогатки¹⁷, а не надолбы (что и по всей границе на 60-ти верстах между рек Селенги и Чикоя, где были надолбы, укреплено будет рогатками). Сего требует совершенная польза в предохранении от воров и в способности починивать, в чем при надолбах, до сего бывших, за тягостию крупного на оные лесу бывала великая нужда. В которых же местах положено между нами надолбы сломать, сему всеподданнейше подношу для изъяснения краткую карту.

Между тем же, пока споры происходили, приступил я по силе ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА всемилостивейшаго мне повеления к делам, коммерции принадлежащим. В каком же состоянии таможду я в команду мою получил, и что мною к пользе казны ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА и купечеству учреждено, и что впредь учредить я намерен, о том обстоятельно для всеподданнейшаго ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ// (л. 315 об.) доклада представил в Государственную коллегияю иностранных дел.

Наконец, по многим спорам, к щастию моему согласясь, решили мы дела. И сего октября 18-го дня разменялись письмами, о чем я обстоятельно представил в Государственную коллегияю иностранных дел.

Коммерческая дела, мне порученныя, остаются теперь еще неисполненными. Но и оныя, есть ли ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА высочайшая конфирмация на представленные от меня в Коллегияю пункты последует, то я буду иметь смелость сказать, что высочайшая Вашего императорскаго величества воля во всем, порученном мне, исполнится. Между тем, повергая себя к стопам Вашего императорскаго величества, ожидаю всемилостивейшей на дела мои опробации, что главнейшим щастием в жизни моей будет.

Все м и л о с т и в е й ш а я г о с у д а р ы н я,
 В А Ш Е Г О И М П Е Р А Т О Р С К О Г О В Е Л И Ч Е С Т В А
 в с е п о д д а н н е й ш и й р а б
 И в а н К р о п о т о в.
 октября 27
 1768 года
 Кяхт. форпост

¹⁷ Рогатка – приспособление для преграждения доступа куда-нибудь в виде бруса, укрепленного на крестообразно сколоченных кольях.

Библиографический список

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/1. 1768. Д. 2.; Оп. 62/2. 1728–1767. Д. 4; 1762–1769. Д. 8; 1763–1768. Д. 10; 1763–1769. Д. 11; 1766–1769. Д. 15, 16; 1770–1773. Д. 19.

Бантыш-Каменский Н.Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год. Казань, 1882. 565 с.

Бэй-гуань. Краткая история Российской духовной миссии в Китае. М.–СПб.: Альянс-Архео, 2006. 218 с.

Васильев В.П. Открытие Китая. СПб., 1900. 164 с.

Всемирная история. Т. 4. Мир в XVIII веке. М.: Наука, 2013. 801 с.

Международные отношения в Центральной Азии. XVII–XVIII вв. Документы и материалы. Кн. 2. М.: Наука, 1989. 340 с.

Новая история Китая. М.: Наука, 1972. 637 с.

Русско-китайские договорно-правовые акты (1689–1916). М.: Памятники исторической мысли, 2004. 695 с.

Русско-китайские отношения в XVIII в. (РКО в XVIII в.). 1727–1729. Документы и материалы. Т. III. М.: Памятники исторической мысли, 2006. 543 с.

Русско-китайские отношения в XVIII в. Документы и материалы. 1752–1765. Т. VI. М.: Памятники исторической мысли, 2011. 429 с.

Русско-китайские отношения в XIX в. (РКО в XIX в.). Т. 1. М.: Памятники исторической мысли, 1995. 1019 с.

Саркисова Г.И. Пограничные российско-китайские переговоры 1768 г. (По материалам журнала И.И. Кропотова) // Раздвигая горизонты науки. К 90-летию академика С.Л. Тихвинского. М.: Памятники исторической мысли, 2008. С. 191–210.

Саркисова Г.И. К пользе казенного интереса и купечества. (Архивные материалы о деятельности полномочного комиссара И.И. Кропотова на российско-китайской границе в Кяхте в 1768 г.) // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XVIII. М.: ИДВ РАН, 2013. С. 359–380.

Саркисова Г.И. К вопросу о проблемах в русско-китайских отношениях в начале 60-х годов XVIII в. и планах российского правительства по их урегулированию // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XXVI. М.: ИДВ РАН, 2021. С. 433–448. DOI: 10.24412/2618-6888-2021-26-433-448.

Силин Е.П. Кяхта в XVIII в. Из истории русско-китайской торговли. Иркутск: Областное издательство, 1947. 204 с.

Сычевский Г.А. Историческая записка о китайской границе, составленная советником Троицко-Савского пограничного управления Сычевским в 1846 году. М., 1875. 292 с.

Трусевич Х. Посольские и торговые сношения России с Китаем (до XIX в.). М., 1882. 304 с.

References

Arhiv vneshney politici Rossiyscoy imperii (AVPRI) [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AFPRI)]. Fond “Snosheniya Rossii s Kitaem” [Fund “Russian Relations with China”]. Op. 62/1, 1768, D. 2.; 62/2, 1728–1767. D. 4; 1763–1768, D. 10; 1763–1769, D. 11; 1766–1769, D. 15, 16. (In Russian).

Bantysh-Kamenskiy, N.N. (1882). Diplomaticheskoe sobranie del mezhdru Rossiyskim i Kitaiskim gosudarstvami s 1619 po 1792 god [Diplomatic collection of affairs between the Russian and Chinese states from 1619 to 1792]. Kazan. 565 p. (In Russian).

Bey-guan'. Kratkaya istoriya Rossiyskoy dukhovnoy missii v Kitaye [Bei-guan. A brief history of the Russian spiritual mission in China]. Moscow–SPb.: Al'yans-Arkheo, 2006. 218 p. (In Russian).

Vasil'yev, V.P. (1900). Otkrytiye Kitaya [Discovery of China]. Spb. 164 p. (In Russian).

Vsemirnaya istoriya. Mir v XVIII veke [The World History. World in the 18th century], Vol. 4. Moscow: Nauka, 2013. 801 p. (In Russian).

Mezhdunarodnyye otnosheniya v Tsentral'noy Azii. XVII–XVIII vv. Dokumenty i materialy [International relations in Central Asia. XVII–XVIII centuries. Documents and materials], book 2. Moscow: Nauka, 1989. 340 p. (In Russian).

Novaya istoriya Kitaya [New history of China]. Moscow: Nauka, 1972. 637 p. (In Russian).

Russko-kitayskiye dogovorno-pravovyye akty. 1689–1916. [Russian-Chinese contractual and legal acts. 1689–1916]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2004. 695 p. (In Russian).

Russko-kitayskiye otnosheniya v XVIII v. 1727–1729. Dokumenty i materialy (RKO v XVIII v.) [Russian-Chinese relations in the XVIIIth century. 1727–1729. Documents and materials (RCK in the XVIIIth century)], Vol. III. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2006. 543 p. (In Russian).

Russko-kitayskiye otnosheniya v XVIII v. Dokumenty i materialy. 1752–1765 (RKO v XVIII v.) [Russian-Chinese relations in the XVIIIth century. Documents and materials. 1752–1765. (RCK in the XVIIIth century)], Vol. VI. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2011. 429 p. (In Russian).

Russko-kitayskiye otnosheniya v XIX v. (RKO v XIX v.) [Russian-Chinese relations in the XIXth century. (RCK in the XIXth century)], Vol. I. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 1995. 1019 p. (In Russian).

Sarkisova, G.I. (2008). Pogranichnyye rossiysko-kitayskiye peregovory 1768 g. (Po materialam zhurnalnaya I.I. Kropotova) [Border Russian-Chinese negotiations in 1768 (Based on materials from the journal of I.I. Kropotov)]. Razdvigaya gorizonty nauki. K 90-letiyu akademika S.L. Tikhvinskogo [Expanding the horizons of science. To the 90th anniversary of Academician S.L. Tikhvinsky]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli. Pp. 191–210. (In Russian).

Sarkisova, G.I. (2013). “K polze kazennago interesa I kupechestva”. (Arhivnye materialy o deyatelnosti polnomochnogo komissara I.I. Kropotova na rossiysko-kitayskoi granitse v Kyakhte v 1768 g.) [“To the benefit of the state treasury and merchantry” (Archival materials on the activities of the commissioner plenipotentiary I.I. Kropotov on Russian–Chinese border in Kyakhta in 1768)]. Kitay v mirovoy I regionalnoy politike. Istoriya I sovremennost' [China in World and Regional Politics. History and Modernity], Issue XVIII. Moscow: IDV RAN. Pp. 359–380. (In Russian).

Sarkisova, G.I. (2021). K voprosu o problemakh v russko-kitayskikh otnosheniyakh v nachale 60-kh godov XVIII v. i planakh rossiyskogo pravitel'stva po ikh uregulirovaniyu [On the issue of problems in Russian-Chinese relations in the early 60s of the 18th century and the plans of the Russian government to resolve them]. Kitay v mirovoy I regionalnoy politike. Istoriya I sovremennost' [China in World and Regional Politics. History and Modernity], Issue XXVI. Moscow: IDV RAN. Pp. 433–448. (In Russian). DOI: 10.24412/2618-6888-2021-26-433-448.

Silin, E.P. (1947). Kyakhta v XVIII v. Iz istorii russko-kitayskoy torgovli [Kyakhta in the XVIII century. From the history of Russian-Chinese trade.], Irkutsk: Oblastnoe izdatel'stvo. 204 p. (In Russian).

Sychevskiy, G. (1875). Istoricheskaya zapiska o kitayskoy granitse, sostavlenaya sovetnikom Troitsko-Savskogo pogranichnogo upravleniya Sychevskim v 1846 godu [Historical note on the Chinese border, compiled in 1846 by Sychevskii, an adviser of the Troitsko-Savskii border department], Moscow. 292 p. (In Russian).

Trusevich, X. (1882). Posolskie I torgovye snosheniya Rossii s Kitaem (do XIX v.) [Inter-embassy and trade relations between Russia and China (before the XIX century)], Moscow. 304 p. (In Russian).

Поступила в редакцию: 19.11.2023. Received: 19 November 2023.

Принята к публикации: 09.12.2023. Accepted: 9 December 2023.